

Утренний выпуск.

Объявления за строку петита или
заним. ею мѣсто въ Латвіи въ текстѣ 1 Л.
40 с. (70 р.), предл. труда 14 с. (7 р.) позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. валога.
Для заграницы 10 амер. цент. за строку.

Ред. Рига, Мельничная 37 (ут.
Церк.). Тел. ред. — 1219, гор. арх. —
21733 и 22134. Ночн. редакц. — 21225.
Главная контора и экспедиція Рига,
Мельничная ул. 37. Тел. конторы
21030. Телеф. рекламного отдела 21225.

СЕГОДНЯ

№ 75.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

9-й г. изд.

Суббота.

2 апрѣля 1927 года.

Цѣна номера въ Латвіи 12 цент. 6 р.
въ Литвѣ за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за
оба изд. 50 грш., за утр. 30 грш., за воскр.
35 грш. Подп. пл. на „Сегодня“ въ мѣ-
сяцъ (за 7 ном. въ нед.) въ Латвіи 3 Л. 50 с.
175 р. Загр. 5 Л. 20 с. (260 р. или 1 амер. долл.)
Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня
Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.): въ Латвіи 5 Л.
75 с., заграницей 8 Л. 50 с. или 1,70 амер. долл.

Книга.

ную книжку образом и мысли, заросла, гудит, приедет... дома, за обложкой, под, на ступеньках крыльца, в полдн гуляя — и эту свою записную книжку, должно быть, бережет и прятает, потому что я никогда и не видел ее не видеть!...

Эти принципы своей профессии беллетриста Чехов сохранял до конца.

Незадолго до смерти он показывал в Ялте Гарину-Михайловскому свою записную книжку: «Знаете, что я делаю? В эту книжку я больше десяти лет записывал всё свои замётки и впечатления. Карадашь, статья старая, а вот я рываю обветшавшие черновики. Видите, — уже кончая.» Он добродушно похлопал по книжке и сказал:

«Листов пятьсот еще неиспользованного материала. Лист в пять работы. Если напишу, — семья останется обеспеченной.»

О том же рассказывается в своих воспоминаниях А. М. Федоров. Чехов любил обращаться к кому-либо из составивших у него писателей с шутивыми предложениями: «Купите у меня сюжет рассказа. Дешево уступлю. Особенно, если оптом. У меня тысячу книжек записных с сюжетами.»

И теперь мы, действительно, знаем, что в этих «книжках» с сюжетами таилось неизмеримое богатство. Важно, конечно, не количество записанных тем, а редкая способность Чехова разсмотреть в мельчайшем бытовом эпизоде необычную трагическую сущность и жалкую отрешенность. Эти две черты он, как никто, умел схватывать налету и фиксировать в точных законченных формулах.

Приведем несколько примеров этих летучих замётки о скрытых драматизмах явной пошлости быта.

— На Мал. Бронной. Девочка, никогда не бывавшая в дереве, чувствует ее и бредит, а ней, говорят о галлах, ворах, деревенцах, представляя себя булавку и на деревьях типа.

— Дядюшки дадут покушать рыбы, и если он не отравляется и остался жив, то ее есть вся семья.

— Молодой человек мечтает посвятить себя литературе, пишет постоянно об этом отцу, в конце концов бросает службу, идет в Петербург и посвящает себя литературе — поступает в цензора.

— Мнѣние профессора: не Шекспир главное, а примечания к нему.

— Страшная бедность. Положение безвыходное. Мать вдова, дочь девушка, очень некрасивая. Мать, наконец, собралась с духом и советует дочери идти на бульвар. Она когда-то в молодости, тайком от мужа, ходила, чтобы заработать на наряды; у нее есть некоторый опыт. Она учит дочь. Та идет, ходит до утра, но ни один мужчина не берет ее: безобраз-

на. Девчонка два или по бульвару три раза, толкнув до безобразия и выйдя ее. Она принесла домой бумажку, которая оказалась потерянными билетом, уже никому негодным.

— Человек, у которого колесом вагона отрубало ногу, беспокоился, что в сапог найдется на отрубленную ногу, 21 рубль.

— Фабрика. 1.000 рабочих. Ночь. Оторожь бьет в доску. Масса труда, масса страданий — и все это для ничтожества, надвигавшегося фабрики. Глухая мать, гувернантка, дочь... Дочь заболела, звали из Москвы профессора, но он не поехал, послал ординатора. Ординатор ночью слушает стук сторожа и думает: «Неужели всю свою жизнь должен работать, как и эта фабрика, только для этих ничтожеств, сытых, толстых, праздных, глупых?».

— Когда живешь дома, в покои, то живешь, кажется обыкновенно, но едва выйдешь на улицу и стал наблюдать, расширяешься, например, женщин, то живешь — ужасна. Окрестности Патриарших прудов на вид тихи и мирны, но на самом деле живешь в них — ах (и так ужасна, что даже не протестуешь).

— Чѣм культурнее, тем несчастнее.

Такие холодные наблюдения ума и горестные замѣтки сердца неутомимо, настойчиво и постоянно, подобно «Тригорину», записаны в свои карманные книжки автор «Найка». Было просматривая эти конспективные записи, — сугуб, протокольные, скатанные и точные, сопоставляя эти мысли о законченных произведениях Чехова, приблизительно представляешь себе, во что развернулось эти краткие программы, еще совершенно лишены красок и рельефа.

Теперь, когда мы имеем эти записные книжки в их полном объеме, мы можем оценить еще одно их качество — они представляют несомненный интерес со стороны своего оформления, не случайного и не безразличного для их автора. При всей фрагментарности и близости замѣток Чехова, эти отрывки особенными чеховскими чертами выразительной краткости и почти графической отчетливости.

Черновые замѣтки Чехова читаются как особая книга своеобразного и редкого жанра «фрагментов», выходящая своим скрытым законом композиции, при неслыханном единстве своего общего стиля. Сборник замыслов и набросков, сопавших листов, афористические романсы, составленные сплошь из раздумий и сенсаций, — вот те своеобразные и увлекательные формы, в которых приближаются собранные творческих замѣток Чехова. В их явственной случайности есть своя закономерность художественного отбора, в их аскетичной небрежности — принцип особого вида творческой записки, наконец, в остром законности — отражение одного из основных догматов отрога худож.

ника, толкнув на, по основу своей эстетике трудный и отбывственный завет: краткость — сестра таланта.

Новая книга прив.-доц. М. Вайнтроба. Вышла из печати книга прив.-доц. М. Вайнтроба «Причины происхождения антисемитизма». Опыт социально-психологического антисемитизма, в издательствѣ З. Эттингера.

Обширный и кропотливый труд автора найдёт свое круг читателей. Последовательно рассматриваются все разновидности антисемитических учений: расовая теория, религиозная, политическая, как области зарождения антисемитизма, экономика, психическая особенность евреев, как причина антисемитизма, характерные признаки антисемитизма, антисемитизм, как национальная вражда. Литература, приведенная автором, свидетельствует о широчайшей начатности автора.

Къ отпѣтк книги вернемся въ особой рецензии.

«Наша библиотека».

Рижское книгоиздательство «Литература» приступило къ изданию серии книгъ подъ заглавіемъ «Наша библиотека». Вышли уже два первыхъ тома: «Послѣдній богъ», романъ Клода Фараера, 234 страницъ, и два романа Марселя Превю, «Я и его любовница» и «Жена и другъ», 216 страницъ. Мѣна, принимающая во вниманіе книги и ихъ явную внешность, исключительно дешёвая — всего 1 латъ за книгу.

Вот эти три романа отличаются увлекательной фабулой. Они трактуют взаимоотношения мужчин и женщин, хотя, конечно, под разными углами зренья. Для Клода Фараера, как и для Марселя Превю, любовь является той осью, вокруг которой вращается весь мир, но в то время, как Клод Фараер признает только любовь, Марсель Превю большое внимание уделяет и ее соперниц — дружб.

Дѣйствие романа «Послѣдній богъ» развивается, главным образом, въ Париж и попутно Клод Фараер создает ядовитую сатирu на нравы великобританска общества. Фабула романа привлекаетъ внимание читателя отъ первой до послѣдней отрывки.

Въ романѣ «Я и его любовница» и «Жена и другъ» Марсель Превю со свойственной ему глубины психологическаго анализа и огромной изобразительной силой описываетъ конфликтъ между любовью и дружбой, въ обоихъ случаяхъ проводящий въ тяжелой трагедии.

Переводъ обоихъ книгъ въ отличіе отъ большинства издаваемыхъ въ послѣднее время переводныхъ романовъ, слѣдуетъ весьма тщательно. Станъ обоихъ авторовъ, чрезвычайно трудно поддающийся переводу на русскій языкъ, въ значительной степени сохранена.

Записные книжки Чехова.

Въ издательствѣ Госуд. Академіи Художественныхъ Наукъ впервые выходятъ полностью четыре записныхъ книжки Чехова, известные до сихъ поръ лишь въ небольшихъ извѣщеніяхъ. Онѣ охватываютъ періодъ съ первой заграничной поѣздки Чехова въ 1891 г. до его послѣдней поѣздки въ Валейверъ въ 1904 году. Это драгоценнѣйшее собраніе замѣтокъ на двѣнадцати, записной и набросковъ къ будущимъ литературнымъ произведеніямъ и съ ними знакомитъ теперь читателей въ московскомъ журналѣ Л. П. Просмани.

Записные книжки имѣли совершенно особую роль въ творчествѣ Чехова. Это едва ли не единственный писатель, рѣшившійся опосредствовать свою черновую работу и повѣстившій ей проникновенныя строки въ одномъ изъ своихъ лучшихъ созданий. Зѣтек отражался и мука, и радость художника отъ его труднаго ремесла, смѣшанное чувство горечи и отрады отъ тяжелой и утѣшительной работы.

Подготовительная писательская техника самого Чехова была такова: онъ пристально слѣдилъ за каждой фразой своего собсѣдованія и безпрестанно множилъ запасы своей литературной кладовой. Уже въ молодые годы, когда онъ писалъ легко и быстро, когда въ каждомъ предметѣ онъ видѣлъ сюжетъ для небольшого рассказа, когда онъ поражалъ окружающихъ исключительно объёмомъ темъ и замысловъ, онъ и тогда уже тщательно коллекционировалъ материалы для своихъ произведеній. «Создавалъ онъ вихомолку, — рассказывалъ Баранцевичъ, — заносилъ въ запис-